

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

ОФИЦЕРСКИЙ
КРЕМАТОРИЙ

Спецназ ГРУ

Михаил Нестеров

Офицерский крематорий

«ЭКСМО»

2014

Нестеров М. П.

Офицерский крематорий / М. П. Нестеров — «Эксмо»,
2014 — (Спецназ ГРУ)

Бывший спецназовец ГРУ, а ныне частный детектив Павел Баженов узнает из новостей о трагедии в Новгороде: там сгорело здание ГУВД, погибло более шестидесяти полицейских. Профессиональное чутье и жажда опасных приключений вынуждают Баженова немедленно отправиться в Новгород. Там он селится в одной из центральных гостиниц и в первый же вечер знакомится с девушкой невероятной красоты – Маргаритой. Знакомство молодых людей продолжается в номере отеля. Утром Баженов просыпается с жуткой головной болью. В номере – разгром, на стенах – следы крови, а рядом в постели – мертвая девушка...

© Нестеров М. П., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Михаил Нестеров

Офицерский крематорий

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

От автора

Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. И потому он ищет женщину, как самую опасную игрушку.

Фридрих Ницше

© Нестеров М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Теория заговора

Худощавой женщине, за которой я установил слежку, подошло бы кредо «Клянусь честью!»...

Две недели промчались как один день, не балующий себя разнообразием: утро, день, вечер, ночь. По объекту можно было сверять часы, и это избитое сравнение возникло не просто так.

Восемь часов пятнадцать минут, открывается дверь парадного, женщина включает секундомер, застегнутый поверх рукава утепленной куртки, поднимает капюшон и делает первые шаги своей получасовой пробежки.

Днем она выходит за покупками и уже не выглядит марафонкой. Теперь на ней стильная дубленка, модный треух на меху, замшевые сапожки на сплошной подошве.

Вечер. Кажется, его она собирается посвятить своей подруге. Они встречаются во дворе, где детскую площадку оккупировали легковушки и даже микроавтобусы, идут под руку к последнему подъезду, возвращаются к первому, при этом оживленно беседуют, и мне представляется, этому не видно конца.

Но вот во двор въезжает эксклюзивная, можно сказать, «Хонда Риджлайн», предназначенная исключительно для рынка США. Одна из четырех дверей этого серебристого пикапа открывается и выпускает водителя. Он благосклонно принимает приветствие и нехотя (я с ходу замечаю такие вещи) отвечает на поцелуй жены. Надо ли говорить, что этот мужчина – мой клиент?..

В субботу он возвращается с работы на пару часов пораньше. И это время можно назвать его личным. Он ставит «Хонду» так, чтобы ему удобно было загружать вещи в пикап. Наконец загоняет в него по сходням роскошный байк – той же японской марки, что и его машина, с инжекторным двигателем, с изящной передней вилкой, пятилучевыми колесными дисками с шипованной резиной. У меня «Судзуки Эндуро», и я знаю толк в мотоциклах.

Эти две субботы я завидовал своему клиенту. На своем «японо-американском» пикапе, фаршированном всем, кроме навигации, он вывозил на природу своего любимца и там давал ему шпоры! Я представлял лагерь на окраине какой-нибудь деревушки, где нет дорог, а есть только направления. Первый выезд – ночью. Глаза у «Хонды» горят, она ввинчивается в ночь, выбрасывая снежную кашу из-под колес, и рычит, как дикая кошка, вновь обретшая свободу... Второй выезд – утром, он не такой бесшабашный и красивый, как ночной, и все же.

Активный отдых этого человека заканчивается возле гаража. Пикап освобождается от мотоцикла, место которому – в дальнем углу, и сам едва умещается в нем: длина «Риджлайна» – больше пяти метров, ширина – почти два. Супертачка!.. Его встречает жена. Она исполнена ожидания, но ничего поделать не может: на такие мероприятия жен не берут.

Дальше. Два-три раза в неделю она пополняет счет в терминале – обычно два номера. Все номера я зафиксировал, стоя позади объекта слежки и успешно исполняя роль нетерпеливого очередника. Первый номер принадлежал лично ей, второй – ее матери. Она пополняет счет по сто рублей, и это значит, что по телефону разговаривает немного.

В предварительных отчетах я отметил передвижения и встречи жены моего клиента, а также записи телефонных разговоров. Ничего. Она была чиста, как говорят сыщики. Клиент же уверен, что жена ему изменяет. Что ж, это его право так думать. Я дал себе еще один день. Но уже сегодня был готов встретить недоверие с стороны клиента и ответить по всем пунктам.

Суббота. Вечер. Что-то пошло не так. Клиент погрузил вещи в машину, закатил в пикап «Хонду» и закрепил ее ремнями, оглянувшись, как бы в растерянности. Сегодня жена не вышла

проводить его. Приболела? Обиделась? Приревновала наконец-то мужа к его увлечению в целом и к байку конкретно? Один шанс из тысячи, что они пришли к соглашению и договорились встретиться на полпути к лагерю. Если так, то соответствующая отметка в протоколе (передвижения, встречи объекта) станет небольшой прибавкой к оплате.

Я тронул свою «Ауди»-«сотку» с места и пристроился в хвост «Хонде». Мы не проехали и пары кварталов, а пикап уже замигал правым поворотом. Припарковаться ему было негде: машины и так стояли в два ряда. Но он остановился на секунду, чтобы подобрать женщину, ожидающую его, и она даже отдаленно не походила на его жену – это была подруга жены, с которой та прогуливалась, поджидая Ведерникова с работы. Они обменялись поцелуями еще до того, как он отпустил педаль тормоза.

Досье на клиента – одна из важнейших задач сыщика. Я собрал достаточно материала, чтобы еще неделю назад подвести итог: Ведерников – уверенный, состоявшийся человек, преподаватель МГУ, с вытекающими отсюда финансовыми потоками. Теперь его дело было готово пополниться еще одним, на сей раз – компрометирующим его материалом.

Я неплохой стрелок. Время между выхватом пистолета и прицельным выстрелом у меня равняется «стандартным» полутора секундам. Затвор фотокамеры я спускаю еще быстрее. Так что, как сказал бы уличный поэт, не успели их уста разъединиться, а я уже запечатлел это самое распространенное выражение любви на камеру.

Как откровение, в моей голове пронеслось: «Сегодня он на природу не поедет». Но я ошибся. «Риджлайн» выехал за город по Дмитровскому шоссе и от Кольцевой отмотал еще сорок километров, потом повернул в Деденево, проехал еще километров пять.

Я слышал об этой базе в Парамонове. Четыре склона – крутые и пологие плюс трамплин для сноуборда. Но где остановится на ночлег эта пара? Может, на базе отдыха «Сказка»?..

Они выбрали сельский дом, расположенный между Домом культуры и магазином, и, судя по тому, как по-хозяйски припарковал Ведерников машину во дворе, мне стало ясно: он заранее договорился с хозяевами.

Я проехал до конезавода и там остановился. Ничего интересного в ближайшие час-полтора в арендованном доме не увижу. Этой парочке требовался разогрев, и я дал им час с четвертью. Меня же грела печка в машине, работающей на холостом ходу, и я подумывал занести в список расходов еще полтора литра бензина...

Розовая лампа в спальне равномерно освещала все помещение. Большую ее часть занимала ретро-кровать: металлический каркас с ажурным изголовьем. И хотя кровать была двухспальная, на ней эта пара расположилась, как Чук и Гек. Неплотно запахнутая штора позволила мне сделать снимок эротического содержания: она – сверху, он – снизу. Я не видел ее лица, но видел лицо преподавателя. Мне повезло: я не пропустил кульминацию. Вот он, этот момент наивысшего напряжения, как и положено, предшествующий развязке. Я сделал еще несколько снимков, посчитав последний наиболее удачным. Женщина, откинув голову назад и в сторону, смотрела прямо в объектив, как будто была заодно со мной, мужчина тянулся к ее шее губами, чтобы запечатлеть на ее нежной коже дрожащий поцелуй благодарности.

Этот день принес мне немало неожиданного. Преисполненный святости, университетский преподаватель сегодня натурально обнажился передо мной, и я увидел то, что увидел: в физиологическом плане – ничего примечательного.

В понедельник мы встретились с ним в моей конторе. Он пожертвовал началом рабочего дня и был этим недоволен. Мы обменялись приветствиями, правда, обошлись без рукопожатий. Предложив клиенту место напротив, я устроился за рабочим столом.

– Передвижения, встречи, телефонные разговоры вашей жены носят открытую основу. Результаты отличные.

Он перебил меня жестом руки, не желая ничего слушать. А потом согласился пролонгировать договор еще на неделю, сказав:

– Она изменяет мне. Я это чувствую. – У него даже ноздри затрепетали, а лицо перекошилось, как будто мои слова о невинности его жены задели лицевой нерв, и, если бы он не умел дышать ртом, тотчас бы испустил дух. – Ищите доказательства! Берите пример с меня: я работаю двадцать четыре часа в сутки.

Я заглянул в следующий понедельник, такой же нерезультативный (это с точки зрения Ведерникова), как этот. Он решился на крайние меры: предложил инсценировать измену, буквально подсунуть под свою жену любовника. Но этого не потребовалось...

На следующий день, пришедшийся на вторник, я впервые увидел его жену с другим мужчиной, а неподалеку разглядел еще одну женщину...

Я дал ей короткую характеристику: сводница. Через секунду усложнил ее: подруга-сводница. Говоря юридическим языком, любовница Ведерникова «содействовала внебрачным половым сношениям или удовлетворению половой страсти в иной форме».

Собственно, я мог дать название спектаклю, первый акт которого разыграла передо мной эта труппа. Я не сомневался, что между супругами был подписан брачный контракт, а инициатором его рождения выступил сам Ведерников. Чтобы не оставить жене ни одного квадратного сантиметра жилплощади и клочка одежды, ему требовались доказательства ее измены, и он был на полпути к цели. Но все это – моя работа, и мне придется проглотить скрытую причину очередного дела, иначе вообще не стоило браться за нее.

Я проследил за женщиной и записал его адрес. Он жил на улице Менжинского, в Бабушкинском районе столицы.

... Я болтался на страховочном тросе, как циркач под куполом цирка, исполняя опасный трюк. Подо мной – двадцать семь метров пустоты, в голове заноза: убивает не падение, а приземление.

Двадцать семь метров.

Любимая высота хайдайверов.

Кто такие хайдайверы?

Лучше отвечу, что неудачный прыжок для них – это стопроцентная смерть.

Но я не хайдайвер, и самая высокая отметка, которую я когда-то покорил, равнялась трем метрам. Тем не менее в любую секунду я мог сорваться с троса и совершить тройной прыжок с парой-тройкой винтов, согнувшись и разогнувшись...

В руке я сжимал новинку – корейский смартфон, обладателем которого стал пару месяцев тому назад. Купившись на рекламу («Смартфон может выступать и как продвинутая фото- и видеокамера, и как полноценный смартфон»), я действительно приобрел «единое устройство», идеально вписавшееся в мой стиль жизни. Одно «но»: когда мне приходилось вести беседу за рулем машины, автомобилисты старались держаться от меня подальше, думая, что я разговариваю по фотоаппарату...

Нейлоновый трос терся о подоконник девятого этажа, мой подбородок – о подоконник восьмого. Не знаю, как я смотрелся снаружи, но изнутри самой этой квартиры – просто жуть: голова с натуженными глазами и натянутая веревка над ней. Если бы обнаженная женщина, над которой корпел такой же голый мужчина, бросила взгляд в окно, она бы продолжительным криком бросила бы его на самое дно греховного наслаждения.

Эта пара с самого начала съемки зародила в моей голове связь с итальянским столяром и его бессмертным творением, потому что женщина лежала как бревно, и в мою душу вкралось сомнение: сможет ли этот Карло стать папой.

Новый порыв ветра, и меня развернуло спиной к авансцене. Он был особенно напорист здесь, на высоте, и его боковая сила лишь чуть-чуть уступала подъемной. Я оказался частью адского эксперимента, в котором высоты этого спального района играли роль аэродинамической трубы.

Вернувшись в исходное положение, я пошире расставил на стене ноги, как будто готовился штурмовать через окно квартиру этажом ниже, и посмотрел сначала вверх, потом вниз. Над головой – два этажа, под ногами – восемь.

Стеклопакет, нижний угол которого скромно украшал логотип немецкой фирмы, не смог поглотить финишного выкрика женщины. Я отвлекся на секунду от сенсорного экрана, однако ни один фрагмент этой постельной сцены не ускользнул от цифрового окна смартфона, работающего в режиме видеокамеры.

Ветер надул-таки тучу, и на капюшон, защищающий мою голову, упали первые снежинки.

Пора закругляться.

Убрав смартфон в защитный чехол, крепящийся на ремне, я сбросил моток веревки вниз. Упругая, она разматывалась кольцами и походила на сцепившихся между собой змей. Пригтовившись к спуску, я оттолкнулся от стены, целиком и полностью отдавая себя в руки стопору-десантеру.

Выбирая в альпинистском магазине между дешевыми спусковыми устройствами под названием «восьмерка рогатая» и «букашка» и более дорогими – «стопор-десантер» и «анти-паник», я выбрал более дорогое и близкое по духу. Этот десантер идеально, как мне показалось и как мне его разрекламировали в спецмагазине, подходил для спусков, обеспечивая буквально моментальную остановку в случае необходимости.

Скорость спуска я контролировал натяжением свободного конца веревки, а затормозить мог, отпустив рукоятку десантера.

Три метра свободного падения, и мой желудок подступил к горлу. Что там американские горки, подумал я, отталкиваясь от стены уже седьмого этажа...

Февраль. Календарная зима катилась к своему концу. Однако привычных снегопадов она так и не принесла. Кто знает, может быть, март отыграется за своего предшественника.

С такими поэтическими мыслями я открыл дверцу своей «Ауди», за руль которой садился исключительно в зимнее время, предпочитая ей мотоцикл, эту зависть пацанов из нашего двора.

Я устал, мне требовался отдых, и все же в первую очередь заехал в свой офис. В конторе я появлялся и в дни безработицы, и в часы неважного настроения, это несмотря на то, что ощущал себя там каторжанином в тесной камере. Стол, пара стульев, сейф – вот и вся обстановка. Сейф можно было вынести из помещения, но из здания – нет. Причиной тому – узкий, как игольное ушко, коридор. Проще протиснуться в трамвайной давке, чем в этом тоннеле.

На следующий день, едва успев составить отчет, я ответил на телефонный звонок, и беседа с моим клиентом меня, честно говоря, не обрадовала. Хотя и огорчаться особого повода не было. Евгению Ведерникову срочно пришлось вылететь в Калининград, где он пробудет неопределенное время, а результаты моего расследования ему нужны по-за-рез, как сакцентировал он это до крайности нетерпеливое слово.

Ведерников назвал мне адрес своего места пребывания, и я, не имея при себе заграничного паспорта, оказался таким образом за границей.

Евгений дожидался меня в доме на улице Тельмана, где сохранилась немецкая застройка, имитировавшая сельскую архитектуру. Сам клиент, встречавший меня на правах хозяина, был одет в бежевый пуловер и костюмные брюки. Он предложил мне место у камина и начал с того, с чего начинают девять из десяти рогоносцев:

– Так она мне изменяет?

Я всегда избегал резких углов, и в этот раз нашел, чем отвлечь клиента. Положил на стол желтый пакет из модной – под натертый воск – бумаги:

– Здесь и старые, и новые отчеты о передвижениях, встречах вашей жены, а также записи телефонных разговоров плюс снимки и видео.

– С мест встреч?

– Да, – кивнул я в ответ.

Первое, что пробежал глазами Ведерников, – это товарные чеки. Затем он прочел вслух и с выражением недоумения:

– «Блокировка беседки и грудной обвязки из коломенской веревки с зашивками на концах»?

– Совершенно верно.

– Что это за коломенская веревка?

– Копеечный товар, – ушел я от ответа, опустив, разумеется, подробности. Почему? Потому что веревка лежала в сейфе, нераспакованная, наряду со светодиодным фонарем от финского производителя за две с половиной «штуки» и страховочным приспособлением с загадочным названием «френд с фалом». Ведерников поднял на меня глаза, когда дошел до этой строки в списке расходов.

– Нет, это не то, о чем вы подумали, – покачал я головой.

– Так она изменяет мне? – не унимался он.

– Да. Я собрал доказательства ее первой и единственной измены.

– Первой и единственной? – как попугай, повторил он.

Мне пришлось поддакнуть.

Обычно я не разглашаю секреты своей фирмы, однако в этот раз пошел против правил:

– Я оказался перед выбором: освоить профессию альпиниста или вернуть вам задаток.

– Ну и?.. – поторопил он меня.

Я передал ему карту памяти:

– Здесь десятки фотографий и короткий видеоролик. Где я могу подождать, пока вы знакомитесь с материалами дела?

– Ждите здесь.

Он оставил меня одного. Отключив воображение, я перемешивал кочергой угли в камине, наслаждался треском брошенного в огонь полена и запахом дыма, придавшего этому неповторимому дому уют.

Поначалу я не понял, что мне мешает насладиться этим моментом в полной мере. Наконец сообразил: телевизор. До этой минуты я его попросту не замечал. Может быть, потому, что транслировалась какая-нибудь «нейтральная передача». И вот из экрана полились дневные новости.

По-прежнему темой номер один был пожар в ГУВД Новограда (хотя с той поры прошло шесть дней), во время которого погибли шестьдесят человек. Я не мог не припомнить аналогичный случай – пожар в ГУВД Самары, что на улице Куйбышева. Из многочисленных версий поджога интересной и наиболее достоверной выглядела та, на которую обратили внимание журналисты и независимые эксперты: поджог с целью уничтожить материалы о крупных хищениях на АвтоВАЗе криминальными группировками. С той поры воды утекло гораздо больше, чем вылилось в тот вечер из пожарных шлангов.

И снова февраль...

Этот новгородский случай представился мне как напоминание о самарском, незаслуженно, а может быть, даже преступно забытом. Что там сейчас на месте пожарища? Часовня? Я бы поставил монумент в виде часов: 17.59... Что вынесли из «самарского урока» новгородцы? Ничего – в плане пожарной безопасности. Ну, может быть, инспектора повесили больше инструкций и схем эвакуации, на этажах появилось больше огнетушителей...

Не прошло и пяти минут, как Ведерников вернулся в гостиную. Достаточно было беглого взгляда на него, чтобы понять: настроение его изменилось. Он стер с лица выражение мучительного ожидания.

В Калининград Ведерников приехал на семинар, проходящий в Балтийском федеральном университете, на тему «Международный обмен: стажировка и учебная практика в зарубежных вузах». Зарабатывал он прилично. Об этом я мог судить по «сельскому домику», в котором его разместили на время семинара. Если вчера он производил впечатление уверенного, состоявшегося человека, то сегодня показался мне холодным дельцом. Наверное, на эту мысль меня натолкнул его бесстрастный взгляд. И в этом свете цель, которую он буквально преследовал, была очевидной: измена жены – долгожданный и даже организованный повод для развода и дележа имущества.

– У вас сохранились копии снимков? – спросил Ведерников.

– Я снимал на карту памяти. На ней оригиналы. Тиражирование снимков, видео– и звукозаписей не практикую, – покачал я головой. – Также у меня нет архива. Я храню только свои экземпляры договоров.

Я умолчал о материале, который назвал «вспомогательным», так как не собирался посвящать Ведерникова в тонкости своей профессии, информация в которой являлась исходным материалом. То есть утаил часть исходника, вот и все.

Он как будто подслушал последнюю строчку моих мыслей и тихо произнес:

– Вот и все.

Откровение...

Ведерников вручил мне чек, согласно которому оговоренная сумма плюс стоимость билетов в два конца и финансовая компенсация за потраченное время поступала на мой счет.

Я уважал такие моменты. Трудно себе представить электронный карман, в который упали деньги, но я все же ощутил себя немного богаче.

Обычно я снимал все деньги со счета, опасаясь, что их украдут или «снимут по ошибке», и предпочитал наличный расчет. Но года полтора назад изменил своей привычке и снимал только необходимую мне сумму. Как бы приобщился к современному миру, одна половина которого была виртуальной и не до конца понятной. Первое время мне даже доставляло удовольствие расплачиваться кредитной карточкой в магазине, на АЗС, и меня в этом плане впервые посетило чувство важного человека. Но оно же доказывало, что я не попадаю в ногу со временем.

Так кто я на самом деле? Я мог бы надиктовать анкету секретарше – если бы она у меня была.

Профессия – частный детектив.

Сфера деятельности – частный сыск.

Хобби – мотоцикл, рисование.

Когда мне лень встать с постели или у меня попросту нет на это сил, я дотягиваюсь рукой до томика Ремарка, Бернарда Шоу, Фридриха Ницше или включаю телевизор. Из списка платных каналов выбираю «Эм-Джи-Эм», с его рычащим перед камерой львом, и смотрю старое доброе американское кино.

Мое кредо... ну, я изо всех сил пытаюсь следовать совету старика Шоу: стараюсь получить то, что люблю, чтобы мне не пришлось любить то, что получу.

Есть ли у меня проблемы? А у кого их нет? Хорошо, я отвечаю: моя самая большая проблема – добрые родители. И я не кричу своим проблемам, посылая их подальше, как делают многие нерадивые дети.

Я игрок по сути, а значит, не боюсь рискнуть – хотя бы затем, чтобы не упустить хорошую возможность.

Что я люблю? Лучше отвечу на вопрос, что я ненавижу. А ненавижу я фразу «Ты должен!». Вот поэтому работаю сам на себя, и у меня нет босса, который может озвереть и уволить меня.

Сравниваю ли свою жизнь с мечтой, которой не суждено было осуществиться? Это вряд ли... Я эгоист. Рисую себе мир, в котором все должно делаться по-моему или не делаться вовсе. Может быть, еще и циник. Не оттого ли у меня такой легкий характер? Говорят, у идеалистов норов еще тот.

Есть ли у меня талант? Я неплохой рисовальщик.

Мой девиз – «Шаг за шагом». Чуть ниже стоит другой: «Оставь ближнего своего в покое», что означает «Возлюби его». Еще ниже – взятое в скобки: «Человеку свойственно ошибаться».

Случалось, и я ошибался, но до мастера ошибок мне далеко.

Глава 2

Пять минут, и ни секундой больше

«В связи с неблагоприятными условиями в столичных аэропортах наш самолет совершит посадку в аэропорту Новоград»...

Сердце мое екнуло – но не в стиле моего соседа, который сжался от волнения, а в стиле... танца любви и разлуки, в прямом и переносном смысле. Казалось, не самолет, а моя профессия, сляпав крылья, как у Икара, однажды занесла меня в этот город. Воспоминания об одном из самых красивых дней моей жизни были свежи, как утренняя роса на распутившемся бутоне...

Аэропорт. Сотни скрытых камер снимают клип под названием «Девушка моего лучшего друга» – потому что вот она, героиня песни Брайана Ферри: в легком синем платье, в образе ожидания. Нет, она не бросится на шею сошедшему с трапа герою с изящно перекинутым через руку плащом, она, завидев его, легкой походкой направится к своей машине, а он, набросив на лицо мечтательную улыбку, пойдет следом. С грациозностью Бельмондо бросит свое натренированное тело на переднее кресло белоснежного авто, обнимет женщину в синем, их губы сольются в любовном поцелуе. Не оборачиваясь, мускулистый герой пустит в меня стрелу – и она угодит мне в самое сердце...

Любой другой сценарист закончил бы клип моей мучительной смертью, однако автором этого психоделического произведения был я...

Раненный, я провожаю эту красивую пару до порога отеля с нерусским названием, а ночью, заплатив портье пару сотен баксов, тайно проникаю в их номер и включаю звукозаписывающую аппаратуру, на прощание делаю несколько снимков эротического содержания.

Конец?

Нет.

Сердцевина этого клипа выдает во мне негодяя: я передаю отснятый материал женщине, которая наняла меня следить за своим мужем (как она набросилась на него и что она с ним вытворяла – останется за кадром, клип-то все-таки любовный).

А вот и занавес: я спасаю «девушку моего лучшего друга» и, бесчувственную, передаю ему. Он подхватывает ее на руки, она приходит в себя. Их губы снова сливаются в поцелуе. Она не отрывает своих кристальных глаз от парня, в котором видит своего спасителя, а на такое дерьмо, как я, – ноль внимания. Я остаюсь с разбитым сердцем. Зато живой.

Я так увлекся сочинительством, что не заметил, как самолет буквально совершил посадку. Кто-то опередил меня: «Надолго мы тут застряли?» Стюардесса в ответ просто пожалала плечами.

И только в зале прилета пассажирам рейса объяснили, что в «топливной системе борта обнаружили неисправности, и экипаж принял решение садиться». Разумное решение.

В отличие от пассажиров, которые опаздывали на встречу, я ответил взаимностью этому городу, принявшему меня в свои объятия. Я решил освежить воспоминания и остановился в гостинице «Центральная», позволив себя обмануть: ни одна звезда не удержалась бы на ее обшарпанном фасаде. Ее можно было классифицировать крестом: один крест – ежегодная уборка номеров, два – уборка раз в квартал, ну, и так далее. Но, как говорили трудолюбивые римляне, что сделано, то сделано, и, как повторяли за ними ленивые русские – что недоделано, то недоделано. И я заселился в номер с толстыми пыльными портьерами, похожими на кольчугу, с просторной, правда, ванной комнатой и маленькой прихожей.

Нет, я не устал от благоустроенности столицы, просто решил освежить память, подышать другим воздухом, посмотреть на других людей и отвел на это три дня, полагая, что этого времени, пожалуй, хватит.

Подходил к концу второй день пребывания в этом городе. Я прогулялся по памятным местам (правда, эмоций, на которые рассчитывал, так и не испытал), а потом меня натурально занесло в итальянский ресторан с диким, можно сказать, названием: «Грот Луперкалии». Там проводился фестиваль с одноименным названием. Ресторан принадлежал некоему Витторе Кватроччи, представителю немногочисленной итальянской диаспоры в Новограде, фамилию которого я перевел без словаря: кватро – четыре, очи – глаза. Короче, этот «четыреглазый» культивировал древний праздник, придерживаясь традиций, но не деталей, и в плане последнего – празднество было подпорчено.

Луперкалии – от латинского *lupus*, волк. Древнеримский языческий праздник плодородия в честь Луперка – бога Фавна. Фестиваль связан с пастушеским культом. Он проводится каждый год с 13 по 15 февраля в гроте *Lupercal* у подножия Палатинского холма, где по преданию волчица выкормила Ромула и Рема, основателей Рима. Каждый год луперки, жрецы Луперка из патрицианской молодежи, собирались в этом гроте, где на специальном алтаре приносили в жертву молодых коз и собак, а после ритуальной трапезы разрезали шкуры жертвенных козлов, раздевались донага, бегали по городу и стегали всех встречных кусками шкур. Женщины охотно подставляли тела под удары, так как считалось, что удар луперка помогает легче разрешиться от бремени. В Древнем Риме Луперкалии считались заимствованным празднованием древнегреческого бога Пана, который, как покровитель стад и охранитель их от волков, имел прозвище Луперк. В 496 году папа Геласий запретил Луперкалии. Со временем празднование Дня Святого Валентина как дня влюбленных заменило Луперкалии.

Все это я почерпнул из брошюры, отпечатанной на глянцево́й бумаге.

В ресторане я рассчитывал на красочное зрелище, но так и не увидел его. Единственное, что мне действительно пришлось по вкусу, так это спагетти под чесночным соусом и обслуживание. Моим сервистом был итальянец по имени Карло, одетый в безрукавку и рубашку с белоснежным воротничком. Принимая заказ, он дежурно поинтересовался: «Первый раз в нашем ресторане?» Я ответил: «Да, купил билет за две с половиной штуки». Карло рассмеялся: «Так делают приезжие. Сегодня их немало в этом зале».

Ну и, конечно, я забыл упомянуть о свете: на каждом столике – светильник, причем не тускло-интимный, а яркий, я бы сказал, разоблачающий.

В общем и целом, я попался на рекламный трюк и собрался было уйти, как вдруг взгляд мой упал на женщину лет тридцати...

В первую очередь я обратил внимание на ее губы (хотя обычно сразу отмечаю цвет и выражение глаз) – мне они показались слегка припухшими. И если бы ее глаза были, что называется, на мокром месте, я бы решил, что эта женщина минуту назад плакала навзрыд... А вот глаза ее поражали своей глубиной. Так светятся на дне чистейшего колодца две серебряные монеты. Я бы никогда не осмелился назвать их серыми – столько в них было серебра! Прохладные, они в сочетании с четко очерченными скулами чуть отталкивали от себя, во всяком случае, могли удержать собеседника на расстоянии.

Я остановил проходившего мимо моего столика Карло и попросил у него авторучку. Он без колебаний и тени недоумения вручил мне гелевую. Бумага же была мне не нужна. Рисунк на салфетке – избитый, даже слегка пошловатый прием. Я расправил на столе свой девственно-чистый носовой платок и сделал первые штрихи, послав продолжительный взгляд на женщину. Она тоже бросила на меня взгляд – короткий, но не первый и не второй: таких я насчитал не меньше десятка, из них половина, может быть, – случайные. Конечно, она могла заинтересоваться мной в гастрономическом плане: шеф-повар какого ресторана сотворил из моего лица свиную отбивную? Мне было плевать на свой наружный облик, сейчас меня притягивала внешность этой женщины, которой я был буквально пленен.

Уже через пять минут она сообразила, что я переношу ее образ на своеобразный холст. Брови ее сошлись к переносице, и я решил, что холодок в сочетании с недовольством не иска-

зили ее лицо в худшую сторону. На сколько хватит ее терпения? Я дал ей (и себе тоже) пять минут, рассчитывая за это время закончить портрет.

Мы оба уложились в срок. Она презентовала мне несколько дополнительных секунд, как будто для того, чтобы я смог поставить свое имя в нижнем углу портрета. Что я и сделал, начертав гелем свои инициалы: ПИБ. Причем «И» получилась меньше, что в целом читалось как Пэ и Бэ. «Вот это звучит сексуально», – подумал я и поднял глаза на свою невольную натурщицу. Серебряные динары в ее глазах гневно блеснули:

– Вы что, рисуете меня?! Кто вам дал на это разрешение?

Разрешение? Вообще-то люди в таких случаях обычно употребляют другое слово: право. Но это ее личное дело.

– Я уже нарисовал. Извините.

– Дайте сюда это... – пощелкала она тонкими изящными пальцами.

Я с сожалением вздохнул и, взяв платок с двух сторон, поднял его, закрывая им свое лицо и демонстрируя ей ее же портрет.

Мне показалось, прошла не одна минута. Хотя почему нет? То, в каком стиле я изобразил ее на полотне, можно рассматривать часами.

Она села рядом – справа от меня – и прикосновением руки заставила меня опустить рисунок.

– Это... У меня нет слов... Кто вы? Только скажите честно! По вашим глазам вижу, вы хотите отшутиться. Но такими вещами не шутят. Это прекрасно... – Она повернула рисунок к себе и покачала головой.

С холста на нее смотрела строгая женщина с нахмуренными бровями. От внешнего мира ее отделяло окно террасы – те самые клетки носового платка, которых не затронул ни один штрих. Поэтому рисунок оказался объемным, как голограмма.

Мы, словно сговорившись, не стали обмениваться банальностями вроде: «Вы художник?» – «Да, свободный».

Она заказала вина. Когда официант принес «Амаретто», я вернул ему авторучку и поблагодарил его. Мы выпили. Она сложила платок по сгибам и глазами спросила: «Я могу оставить его себе?» – «Да», – так же ответил я.

Роман. Я улыбнулся этому старомодному, выполосканному в Черном море слову. С этой женщиной у меня завязывались романтические отношения, и я был чертовски рад этому обстоятельству. Вдруг в голове отчего-то прозвучал голос Адриано Челентано...

– Извините, я на минуточку, – сказал я и подошел к бармену. – Слушай, друг, в твоей фонотеке есть песни Челентано?

– Точно не знаю, я – управляющий, подменил бармена на десять – пятнадцать минут. Витторе, – представился он.

– Павел, – назвал я свое имя.

– Вам любую поставить или... определенную? – с небольшой задержкой подобрал он слово.

– Определенную. Он еще там по-русски поет: «Я тебя люблю. Я жить без тебя не могу».

– Очень нужно? – спросил Витторе, бросив взгляд на мою спутницу за столиком. – Четверть часа подождать можете?

Я промолчал. Витторе, бросив под нос: «Не знаю, что есть на жестком диске», набрал в поисковой строке браузера ключевые слова. Он не стал обращаться к перечню фонотеки ресторана – нашел песню в сети, и она прозвучала буквально в прямом эфире. Я кивнул Кватроччи: «Спасибо!» – и вернулся на свое место.

– Давай наконец познакомимся, – первой перешла она на «ты». – Меня зовут Рита.

– Павел, – назвал я.

– Потанцуем? – предложила она.

Последний раз я танцевал на выпускном вечере в военном училище (не раз отплясывал в кабаке, но это не в счет). С тех пор прошло всего шесть лет, а мне казалось – целая вечность.

«Проснувшись утром, снова я пытаюсь угадать, что, ангел мой, ты в снах своих увидела опять? Который раз я с трепетом смотрю в твой сонный взор, что обращен ко мне. Я знаю – я тебя люблю, свой мир тебе я отдаю».

Челентано последний раз признался в любви, а я, кроме своего имени, больше ничего не произнес.

Мы выпили по бокалу вина. Я не любил «Амаретто», но сегодня оно пришлось по вкусу, и я даже уловил нечто похожее на послевкусие, как будто разгрыз абрикосовую косточку.

– Ты не из вагантов?

– Прости?

– Не обижайся, – коснулась она моей руки.

Как я мог обидеться на такой лестный отзыв? Вагант – странствующий художник-артист, бродяга. Я многое изменил бы в жизни, лишь бы сегодня сказать правду о себе: «Да, я – из вагантов».

Ее глаза выпрашивали ответ, и я подчинился им. Сказал то, что она хотела услышать:

– О таких, как я, говорят: он – свободный художник.

Мой отец, будь он за соседним столиком, поперхнулся бы итальянской лапшой, а потом рассмеялся бы мне в лицо. Но его не было рядом, и слава богу.

Рита не смогла подобрать определения и заменила его жестом, коснувшись рисунка:

– Этим ты зарабатываешь себе на жизнь?

В ее глазах перемешались интерес, сочувствие, непонимание. Для нее я стал «поэтом из грязи» по прозвищу Ветер, которому отдалась прекрасная, но «гневная» в этом фильме Анжелика. Языком моего отца, я зарабатывал себе на жизнь «художествами» – так он назвал мое ремесло, бросая перед ним частицу «эти». Эти художества. По этой причине я реже, чем с отцом, встречался с матерью: ей стыдно было смотреть мне в глаза. А ведь она не старая, вдруг как откровение обрушилось на меня, ей до пенсии... раз, два, три – четыре года.

– Да, – уверенно соврал я и повторил жест своей новой знакомой: коснулся рисунка. – Этим я зарабатываю себе на жизнь.

Я не был бы столь убедителен, если бы у меня не было ни гроша в кармане и я рассчитывал, что Рита расплатится за меня в ресторане. Забегая в недалекое будущее, я подумал: она удостоверится в своей правоте, едва перешагнет порог моей комнаты в «Центральной». В таком гадюшнике мог остановиться только вагант... Там я был готов прочесть монолог: «Я мог бы быть уважаемым человеком. Мог бы побороться за чемпионский титул. Мог бы быть знаменитостью, а не бродягой, которым являюсь».

В общем, я не ошибся. Рита спросила:

– Ты где остановился?

– В «Центральной».

Она вопросительно подняла брови – обе сразу, а не одну, как это часто бывает.

– Гостиница... Она тут недалеко – пара кварталов. Можно дойти пешком.

– Так и сделаем. Машина пусть останется во дворе.

Парковочных мест возле «Грота» явно не хватало, это я заметил еще на подходе к ресторану. И если бы я приехал сюда на машине, то оставил бы ее во дворе, как сделала это Рита и как делают многие автомобилисты.

– Официант!

Когда подошел Карло, Рита тоном, не терпящим возражений, потребовала счет за два столика. Я не стал возражать, дабы не обидеть ее, и принял эту милостыню, как если бы стоял на паперти.

Официант моментально отреагировал не ее просьбу и упаковал в пакет бутылку вина и бутылку коньяка, конфеты, фрукты – все то, от чего мог переломиться стол в моем дешевом номере.

Мы еще не встали из-за столика. Что-то удерживало нас обоих.

– Ты обо мне знаешь все, а ты для меня все еще загадка, – заметил я.

– Разве это плохо? – улыбнулась Рита.

– Я не говорю, что это плохо.

– Я не знаю, кто я. Наверное, я – книга в книгохранилище.

– Говоришь об одиночестве?

– Нет. Хотя... да, наверное. Я осуществила свою давнюю мечту, и теперь все полки в книгохранилище принадлежат мне, мне одной. Только полки пусты. Книгохранилище без книг. Без Библии. Жуть в крайнем своем проявлении. И как оскорбление религиозной святыни – стеллаж с цифровыми компакт-дисками.

– Что, прости?

– Пойдем. Я не хочу здесь долго оставаться, – подняла она на меня глаза.

Мы шли по улице и болтали ни о чем. На этот раз – действительно ни о чем.

Портье если и черкнула что-то в журнале, то коротенькое «гость» напротив моей фамилии. Она и на меня, и на мою гостью смотрела как на пару бесполох существ, ее не удивила бы летающая тарелка у входа в отель и пара гуманоидов на пороге.

Рита прошла мимо меня, и я не упустил возможности вдохнуть удивительный аромат ее волос, как будто к ним прикоснулась сама Эсте Лаудер. Теплый, нежный аромат, он, казалось, был создан только для Риты. С ним она была обворожительна и сексуальна. Колдовское зелье, приготовленное из нарцисса, гвоздики, кардамона, ветивера, вскружило мне голову. Я обнял ее. Она чуть запрокинула голову. Это был ни с чем не сравнимый поцелуй.

Глава 3

Калейдоскоп

... Под утро мне снилась всякая ерунда. Такое беспокойное состояние, при котором только-только начинают пробуждаться реакции на внешние раздражения, я называл похмельным калейдоскопом.

Картинки менялись в хаотичном порядке, а главная странность заключалась в том, что я наблюдал стремительную смену событий, находясь между зеркальными стеклами. Вот труба калейдоскопа повернулась, и я вместе с ней, упираясь руками во внутреннюю зеркальную поверхность. В этом верхнем слое зеркальной массы отображался не сам я, а события, которых не было и не могло быть.

Я вижу безликую женщину, одетую кое-как: мешковатая юбка, хлопчатобумажные чулки, широкий лифчик, и понимаю, что она – моя жена. Она не может найти мои носки, и ее нерасторопность приводит меня в бешенство.

Труба перекачивается, и мы вместе с этой женщиной падаем в мир второго зеркала. В нем – моя престарелая тетка, ее пьяный сын, с трудом оторвавший голову от подушки. Он жалок и рождает во мне сострадание. Я подаю ему, как нищему на паперти, милостыню. Он хватается за деньги, прячет их под подушку и придавливает своей тяжелой головой.

Еще один поворот калейдоскопа, еще одна смена декораций и действующих лиц.

Женщина в мешковатой юбке хватается за руку, привлекая мое внимание: «Ты его не узнал?» Нет, я не узнал этого пожилого человека, будто из-под земли выросшего перед нами. Но я, несомненно, где-то его видел раньше. И тотчас вспомнил: это же мой отец! Его резкие черты и морщины разглаживаются. Он уходит, на ходу поправляя брюки. Я в ярости – потому что отец ушел в моих брюках. Женщина тотчас садится за стол кроить мне брюки и зло бросает: «И чтобы сюда ты больше ни ногой!»...

Последний поворот трубы калейдоскопа.

Пост ГАИ. Остановка по требованию. Женщина освобождает переднее место пассажира и скрывается в кустах. Подходит постовой, склоняется к дверце и кивает головой: ему все ясно, и у него нет ко мне вопросов. Уходит.

Гаснет свет. Кто-то закрывает окуляр калейдоскопа, оставляя меня одного там, откуда не вырвется ни один звук, ни один луч света.

Эта серия разрозненных сюжетов, мелькнувших у меня перед глазами, вызвала у меня приступ тошноты. Я резко приподнялся на кровати. С трудом разлепил глаза. Огляделся в комнате. И под впечатлением странного, будто поставленного Дэвидом Линчем сна углы помещения показались мне скругленными: я еще не успел отделаться от ощущения, что нахожусь в тесной трубе, а тошнота – это приступ клаустрофобии.

Я повернул голову. Рядом со мной на кровати лежала, укрывшись одеялом, женщина. Ее волосы красиво разлетелись по подушке, как будто это я бросил ее в игривом сексуальном порыве на кровать и наслаждался застывшим мгновением. Она отвернулась от меня – наверное, в тот самый момент, когда я провалился в предутренний сон, тревожный, вызвавший дрожь и тошноту.

Я встал. Вытянув руку, как в темноте, пошел в ванную. Там первым делом увидел свое отражение в зеркале.

Зеркало.

Я вздрогнул. Это о его стены удерживался я во сне, с трудом, до противного скрипа в ладонях. Я непроизвольно взглянул на свои ладони и не удивился бы, увидев на них кровавые пузыри.

Пузырей не было, а вот кровь на них осталась.

Я снова посмотрел в зеркало и увидел в нем то, чего не заметил раньше. Из одежды на мне только майка, и она вся в крови. Как будто кровь хлестала из перерезанного горла, стекала, сворачиваясь, по ногам. Бедро, колени, ступни – жуткая картина в багровых тонах.

Я согнулся над раковиной, и меня вырвало. Словно чья-то рука протиснулась мне в глотку и вывернула меня наизнанку. Выпил воды из-под крана, плеснул на лицо. Рука потянулась было к полотенцу, но внутренний голос остановил меня: «Ни к чему не прикасайся – тут место преступления!»

На ватных ногах я вернулся в комнату. Женщина лежала в той же позе. С этого места я увидел то, чего не мог увидеть раньше. ПЕРСПЕКТИВА. Кровать как будто отдалилась от меня, тем не менее все детали стали четкими. Кровь на полу, на краю одеяла, на торчащей из-под нее простыне. Лицо женщины было белее снега, и если бы я мог сравнить, то сказал бы, что из нее выкачали всю кровь...

Я потянулся к мобильнику, отыскав его глазами на журнальном столике, но отложил вызов – по той простой причине, что не знал, кому или куда звонить. Мне нужно было выйти из этого состояния (с явными проявлениями помешательства), выжать свою память и погасить на кровавой гуще: что произошло этой ночью? С другой стороны, медлить было нельзя. Калейдоскоп – это игрушка, и тот, кто держал его в руках, все расписал по минутам, даже мое пробуждение. Бред? Нет. Я начал мыслить трезво.

Звонок.

Звонок другу?

У меня не осталось друзей. Я их всех переубивал. У меня руки по локоть в крови. Бред? Отчасти – да.

Я взял смартфон. Пальцем, под ногтем которого запеклась кровь, тронул сенсорный экран и выбрал из списка номер майора Михайлова. Заодно отметил время: 7 часов 10 минут. Михайлов сейчас просыпается – пора на работу. Давай, давай просыпайся, мысленно торопил я его.

Он ответил после третьего гудка, и его бодрое «да» вселило надежду в мою душу. Он не спал в этот ранний час, и я это принял как знак свыше.

– Это я, Баженов, – назвал я по фамилии. Михайлов не терпел, когда по телефону представлялись только по имени: Паша, Миша, Дима.

– Да, я вижу.

Этот ответ майора полиции показался мне несуразным. Как будто он стоял у меня за спиной. Мне вдруг пришло в голову подкорректировать его воображение, и я посчитал этот ход оптимальным: пока майор получит снимок и попытается сообразить, не попал ли он на передачу «Розыгрыш», я смогу взять «официальный» тайм-аут. Поворотом кольца зумма на объективе смартфона я запустил встроенную камеру и получил доступ в режим съемки. Снова коснувшись сенсорного экрана, выбрал смарт-режим. Руки мои подрагивали, но мне на помощь пришла система автоматической стабилизации изображения. Она и раньше не раз выручала меня, и, находясь в самых неблагоприятных для съемки условиях, я получал четкие и качественные изображения. Даже на ходу. Сейчас мое состояние напрашивалось на определение «на бегу после убийства».

Для съемки все было готово. Я вытянул руку со смартфоном и сделал снимок. Тотчас просмотрел его. Изображение получилось четким, нереально четким, как и само содержание снимка: полуголый, окровавленный мужчина на фоне забрызганной кровью кровати с трупом женщины.

Когда я снова поднял трубку к уху, то услышал недовольный голос Михайлова:

– Баженов! Ты где?

– Скоро узнаешь. Перезвони мне, когда получишь картинку.

– Какую картинку? Ал...

– ... ло! – закончил я, не прерывая, однако, связи: смартфон имел в своем арсенале функцию отправки снимка во время вызова. – Ты меня понял? Перезвони мне, когда получишь картинку. Скажи, ты понял меня? – настаивал я.

– Да, – наконец прозвучал ответ.

Я не помнил, какой марки телефон у Михайлова, но он точно не смотрел телепередачи типа «Ностальгия» и не таскал с собой «Сименс С25», так что не пройдет и минуты, как он, получив мультимедийное сообщение, перезвонит мне.

Я оборвал связь на повторном «алло». И скорее, механически сделал еще несколько снимков с места преступления. Точно зная, что меня вскоре возьмут в оборот местные опера, я и эти снимки отправил Михайлову, заодно сохранил их на сервере, на все про все у меня ушло не больше трех минут.

Бросая короткие взгляды на труп женщины, я пытался воспроизвести события прошлой ночи. Но мне отчаянно мешал мой собственный внутренний голос: «Я не мог этого сделать».

Это не я.

Кто?

Почему я ничего не помню?

Я не мог так надраться – с такой женщиной, портрет которой буквально сам выткался на моем носовом платке, с той, на которую я смотрел через бокал с игристым вином и видел игру воздушных пузырьков на ее неповторимом лице... Я хоть что-то понял бы, если бы в тот вечер «кружил напропалую с самой ветреной из женщин», оторвался бы как звезда первой величины: выбросил бы из окна гостиничного номера журнальный стол и разломал стул о спину сонного портье.

Со мной такое было впервые – я не помнил ничего. Как будто из памяти у меня стерли все события этой ночи, вплоть до финального кадра, как в фильме «Час расплаты» с Беном Аффлеком в главной роли.

Нет, я не мог накачаться так... самостоятельно. Значит, меня кто-то накачал. Кто, с какой целью? Цель находится на головокружительной высоте, раз меня подвели под убийство.

Моя голова тоже пошла кругом. Верный знак того, что я был на верном пути? Не знаю, не факт...

Наконец-то я дождался звонка от Михайлова.

– Это ты сделал? Я вынужден спросить – извини.

В его словах, буквально содержащих просьбу, я не расслышал издевки, и все равно его просьба, приправленная извинением, задела мою психику, но не сердце – оно ныло от другой раны.

– Не помню, чтобы я это сделал. Я был в отключке. Раньше ведь я тоже надирался до поросычьего визга, но никого не убивал, верно?

– Все мы всегда что-то делаем впервые.

– Эй!

– Вот что... Ничего там не трогай, понял? Даже свои трусы – если они у тебя есть. Прикройся майкой – спусти ее пониже, что ли.

– Как я могу спустить майку пониже?

– Сними лямки с плеч. – Он не дал мне время для комментария. – Назови адрес, по которому к тебе приедут «гости». Я постараюсь тебе помочь. – Снова короткая пауза. – Сделаю все, что в моих силах.

– Видать, силы у тебя на исходе?

– Что, я не расслышал?

– Или сделал вид...

– Адрес! – поторопил меня Михайлов.

Я назвал улицу: Матвея Симонова.

– Где это?

Тогда я назвал город. Майор на том конце провода присвистнул от удивления. Но от идеи оказать мне помощь не отказался.

Связь с ним прервалась. Мне стало только ждать гостей. В моем представлении это была свора, готовая порвать волка в шкуру ищейки. Еще вчера я мог бы принять это отчасти льстившее мне определение. Волк – сильный, неутомимый хищник, и в охоте ему нет равных.

Глава 4

Отступники

Я ждал следственную бригаду, присев на краешек кровати и отвернувшись от тела женщины, не глядя в окно или полированную дверь платяного шкафа, в которых оно могло отразиться. Но моя спина обрела качество перископа с его сложной системой зеркал, и я видел мельчайшие детали, а те, что ускользнули, дорисовало мое воображение.

Над моей головой (по ощущениям – в номере этажом выше) простучали быстрые шаги. Собака? Да, я отчетливо различил позвякивание цепи. Как будто пес сорвался с привязи и теперь таскал за собой обрывок цепи. Или звено. Звено? Почему звено? Потому что цепь состоит из звеньев? Это важно? Раз это пришло в голову – да. Сейчас для меня любая восстановленная в памяти деталь – на вес золота. Но нет, нет там никакого пса. Это воспаленное воображение рисует галлюциногенным карандашом бессмысленные картины и ставит суровую подпись под каждой – Шизофрения. Но если так, то пес должен появиться, потому что шум или голос зачастую тащит за собой зрительные образы.

Ну, где ты, псина?

Нет тебя!

Значит, все не так уж и плохо...

Сейчас для меня не было ничего дороже чувства к этой несчастной женщине. Я состоял из жалости и жадности мщения, из девяносто девяти процентов чувств и одного процента мозгов. И не в силах был изменить это соотношение.

Сколько я так просидел – не знаю. Время утратило для меня значение. Мир изменился с появлением следственной группы. Старший – полноватый и небритый, в сером свитере и утепленной кожанке нараспашку – напоминал полярника. Вот сейчас он махнет меховой шапкой, стряхивая с нее снег...

Наверное, я долго ждал этого момента, приоткрыв рот, как наркоман, обкурившийся марихуаны. Надо отдать должное «полярнику», он терпеливо дождался просветления в моих глазах, подсек проплывающую в них мысль и расшевелил меня парой коротких оскорбительных фраз. Указав рукой на труп женщины, он взглядом пробежался по отдельным частям моего полуобнаженного тела:

– Как интересно! Я так не пробовал.

– А ты попробуй! – взорвался я, вскакивая на ноги.

Наверное, он видел и не такое. Или увидел все, что хотел. Он шагнул в ванную, снял с вешалки широкое, больше походившее на махровую простыню полотенце и бросил его мне:

– Прикройся.

На этот раз я не отреагировал на его слова.

– Я сказал, прикройся. Я говорю с тобой по-человечески, верно? Но вопрос в другом: ясно ли я выразился?

Я обвязался полотенцем и кивнул «полярнику»:

– Не вопрос. Я все понял.

– Вот и отлично. А ты здорово потянул время.

– Почему я позвонил Михайлову, а не тебе? – быстро сообразил я. – Извини, я не знал номера твоего телефона. Кстати, ты так и не представился.

– Павлов, – назвал он свою фамилию.

– А я – Павел. Совпадение или это что-то значит?

– Ничего это не значит.

Он не стал больше меня слушать. Жестом руки убрав меня в угол комнаты, другим жестом Павлов пригласил в помещение прибывших вместе с ним следователей. И пока они не приступили к осмотру, я вспомнил важную деталь:

– У нее должен был остаться мой носовой платок.

– Уж не знаю, насколько важны твои сопли в этом деле. Тут главное – следы твоей спермы.

Кровь ударила мне в голову, и я бросился на Павлова с кулаками. Дорогу мне преградил другой следователь, выбросив руку в сторону, и я, ударившись о нее, как о шлагбаум, растянулся на полу. Он тотчас склонился надо мной, надавив коленом на грудь:

– Еще раз дернешься, надену на тебя наручники.

Мне трудно было дышать, не то что говорить, и все же я сумел выдавить из себя пару слов:

– Я понял.

Он легко поднялся на ноги. Я же встал с пола с трудом.

– Так про какой платок ты говорил? – как ни в чем не бывало спросил Павлов. – Кто знает, может быть, это важно.

Я постарался объяснить ему, а в голове у меня щелкало заигранной пластинкой: призрачный шанс, призрачный шанс... Меня не сразу насторожила немногочисленность следственной группы – всего четыре человека.

– Ты хорошо знал ее? – поинтересовался Павлов, представившийся мне только по фамилии, не указав звания. Но мне с первой же минуты стало ясно, что он – старший следователь в группе, созданной для расследования конкретного преступления, и образовалась она по совместному решению двух должностных лиц – начальника следственного подразделения и начальника органа дознания, и решение это было мотивировано звонком столичного оперуполномоченного – майора Михайлова.

Словно в подтверждение моих мыслей, Павлов положил передо мной постановление о создании следственной группы, в которой численно и поименно был утвержден ее состав. Собственно, он дал мне понять, что состав опергруппы определился не графиком дежурства следователей, оперуполномоченных угрозыска, экспертов, что они – спецгруппа. Он не обязан был ставить меня в известность о составе группы, но в этом вопросе пошел мне навстречу, и я выставил себе еще одну положительную оценку.

– Распишись, – потребовал он, щелкнув авторучкой.

– Немного вас, – пробежался я взглядом по должностям и фамилиям. – С такой компанией легко договориться.

– Это точно, – не стал возражать Павлов, забирая постановление и возвращаясь на свое место за столом. – Твой звонок Михайлову и пересылку снимков с места происшествия ему я склонен считать смягчающими вину обстоятельствами.

– Можно подумать о явке с повинной, – предложил я.

– Вот видишь, мы нашли общий язык. Мы одни, понятых мы пока не приглашали и готовы выслушать тебя: что ты нам можешь предложить?

Фактически открытым текстом этот следователь просил на четверых. Не в его компетенции было закрыть дело, но ход его расследования он держал в своих руках. Я видел эти вожжи – длинные ремни. Он мог держать их натянутыми, а мог отпустить их.

– Я могу предложить правду.

– Правда нам не по зубам, парень.

– Кредитную карту, ключи от машины сумеете раскусить?

Я снова бросил взгляд на залитую кровью кровать, моргнул, как если бы сфотографировал ее, увидел этот снимок в руках первого присяжного заседателя, второго, пятого, двенадцатого. И вот уже другая фотография, на которой я в одной окровавленной майке, пошла по кругу...

– Есть еще ключи от квартиры в Москве.

– Квартира в центре? – оживился Павлов.
– Можно и так сказать.
– Назови адрес.
– Улица Поликарпова.
– Мне это ни о чем не говорит, – покачал головой Павлов. – Назови какой-нибудь ориентир.

– Чтобы ты сориентировался?
– Ага.
– Ипподром.

Павлов глянул на помощника. Тот сблизил пальцы, показывая расстояние, скорее всего, от Кремля. Я не дал Павлову мысленно насладиться видом из окна моей квартиры, шумом третьего транспортного кольца и тишиной Ваганьковского кладбища.

– В моей «двушке» вы можете подобрать себе костюмы поприличней и посмотреть кубки и вымпелы, которые я взял в финальных боксерских поединках в рамках Минобороны. В верхнем ящике комода найдете орден «За заслуги перед Отечеством» второй степени. В записной книжке на букву «Г» – номер телефона Гутмана Михаила Сергеевича, на букву «К» – место его работы.

– Кладбище?
– Контрольное управление администрации президента.

– Будем считать, что ты не врешь, – сказал, минуту подумав, Павлов. Он сменил тон, назвав меня по имени-отчеству – уже в присутствии понятых: портье и заспанного уборщика:
– Павел Ильич, вы хорошо знали потерпевшую?

– Мы познакомились сегодня.

– То есть вчера, – уточнил майор, глянув на свои «Сейко Астрон» с GPS навигатором. – В каком месте, в котором часу, при каких обстоятельствах?

Я ответил коротко. Павлов записал мои показания и отвлекся на минуту, отвечая на вопрос молодого, с припухшим лицом следователя: назначать ли по изъятым вещам экспертизу?

– Думаю, не стоит. Запиши размер обуви, на бирках одежды посмотри предприятие-изготовитель. Со слов подозреваемого, потерпевшую зовут Маргарита, но это не факт. Необходимо получить сведения о поселившихся в гостиницах и исчезнувших без оформления выезда. Также о прибывших в командировку, убытие которых не зарегистрировано. О пассажирах, не получивших по истечении срока багаж в камере хранения вокзалов. Получить справки о лицах, приезд которых ожидался местными жителями или организациями.

Следователь присвистнул – но его удивление было вызвано брендом одежды потерпевшей и сережек в ушах:

– Версаче...

Видимо, он был наслышан об этой итальянской компании, которая специализируется на производстве и торговле предметами роскоши: одежда для мужчин и женщин, часы и ювелирные изделия, косметика и парфюмерия. Я мог бы прочитать ему лекцию о парфюмерии. В моей профессии угадать марку духов или одеколона значило многое. Запах – это визитная карточка. И во многом ты тот, каким парфюмом пользуешься. Вот Рита, которую сейчас дактилоскопировал специалист, предпочитала «Спеллбаунд» от Эсте Лаудер.

И словно от этого запаха, проникшего мне в сердце, голова моя закружилась, и я завалялся на бок...

Через шум в ушах, походивший на радиопомехи, я слышал голоса. Кто-то тоном гурмана говорил о моем языке: «Смотри, чтобы он языком не подавился! Отвечаешь за него головой!» Кто-то поучал: «Да не зубьями прижимай, другим концом вилки!»...

Очнулся я в больничной палате, одной рукой прикованный к спинке кровати. Напротив меня дремал, уронив голову на грудь, человек в гражданской одежде: светлая куртка с меховым воротником, джинсы. Не помню, чтобы я видел его в составе следственной группы. Я много чего не помнил. Об этом мне спустя два дня, когда организм мой взял верх над наркотиком, напомнил Павлов.

Он сорвался на крик, и в его восклицании выразилось участливое отношение к моему бедственному положению. Этакое ассорти, упакованное в его луженой глотке: немного отчаяния, капелька боли, крошечка ярости, толика сочувствия, малость бессилия. В общем и целом он походил на человека, который отрабатывает столичную квартиру.

– Ну, хоть что-нибудь ты должен помнить?!

– Я помню, как мы познакомились.

– Я это знаю! И эта история «из вагантов» записана в протоколе! – Он пару раз стукнул ладонью по моему делу, начавшему пухнуть уже на третий день.

Павлов прошелся по кабинету, сунув руки в карманы брюк. Рубашка ему была чуть великовата, и он, как мне показалось, немного стеснялся этого факта – как пацан, донашивающий вещи за старшим братом.

– Как вообще ты очутился в этом... – Павлов раскрыл дело, посмотрел в нем название ресторана и произнес его едва ли не по слогам: – ... в этом долбаном «Грот Луперкалии»?

Мне показалось, он грязно выругался. Тем не менее он пробудил во мне воспоминания.

Я в супермаркете, в этом огромном городе, население которого разделено на три части. Одна часть проявляет старание как можно скорее совершить покупки и вовремя появиться на другом мероприятии, другая является ее полной противоположностью. Вот она-то и запикивает в себя фаст-фуд, запивает его колой, облизывает мороженое. Она то сидит на удобных диванах, то разминает ноги, переходя в другой район торгового мегаполиса. Третья часть – это что-то среднее, производное от первой и второй. Я отношусь к этой части. Не потерявшийся, нет, а немного удивленный. Кажется, центральный вход – космический портал. Шагнешь за его порог – и окажешься в этом космическом Ватикане. Оглянешься – и увидишь проходящих через шлюз людей из разных концов страны. И название этому гиганту соответствующее – «Космопорт»...

Девушка в серой накидке, символизирующей волчицу, вскормившую двух братьев – Рема и Ромула. В руках у нее буклет, сложенный вчетверо. Она натренированным движением разворачивает его, поставленным голосом зачитывает текст:

– Посетите итальянский магазин модной одежды, купите товары на две с половиной тысячи рублей, и вы получите билет на «Фестиваль Луперкалии»! И вечер в ресторане «Грот Луперкалии» станет для вас незабываемым!

Как правило, я отгораживаюсь от подобных предложений (некоторые люди опасаются попасть в неловкое положение, ускоряют шаг, опускают глаза – только не я), однако в этот раз я иду против правил, останавливаюсь и терпеливо, натурально меняя свою форму под воздействием ходячего рекламного агентства, дожидаюсь окончания длинного слогана-предложения, как будто переодетая в волчицу девушка просит выйти за нее замуж. Я беру у нее из рук буклет, иду прямо, но девушка окликает меня, указывая рукой иное направление, и голос ее звучит отнюдь не дружелюбно:

– Магазин там.

Как будто пеняет мне: «Что же ты, буклет взял, а в магазин зайти слабо?»...

Зеркальные двери отдела проглатывают меня. Моим вниманием завладевает бойкая девушка лет восемнадцати и предлагает купить зонтик.

– Я похож на рыбку?

Она смеется. Я добрею. Покупаю зонт и присматриваю часы с перекидными цифрами (механика, а не жидкие кристаллы, что для меня важно), такие я видел в фильме «День сурка»

с Биллом Мюрреем в главной роли, а в реальности увидел только сегодня. Расплачиваясь на кассе, мысленно я благодарю «волчицу», завлекшую меня в эту торговую сеть.

Заполучив приглашение на фестиваль, я посчитал себя обязанным стать его участником. Вдобавок ко всему меня стало разбирать любопытство. Я слышал о немногочисленной итальянской диаспоре в Новограде, но ресторан «Грот Луперкалии» представлял себе в виде ночного клуба: вместительный, яркий, громкий. И только после того как снова бросил взгляд на буклет, понял: фестиваль устраивается исключительно для гостей, а скорее всего – клиентов торговой точки в «Космопорте», устроившей распродажу и, может быть, добавившей себе популярности. То есть подавляющего большинства итальянцев там я не увижу.

Потом, помню, я искал оправдания своему скоропалительному решению: почему бы и нет, не я один, интересно, другого такого случая не представится... И ничего похожего на оскмину вроде: а оно тебе надо?

Вот так я попал на фестиваль, и мне только оставалось горько жалеть о том, чем он для меня закончился.

Я вдруг встрепенулся:

– Я вспомнил...

– Что вспомнил? – так же оживился Павлов.

– Рита что-то сказала про туфли.

– Ну-ну, дальше.

– Она боялась, что натрет ноги, и прихватила на всякий случай пластырь.

Павлов и оперативник переглянулись, и он нехотя расшифровал свои ужимки:

– Я бы сказал, что с лейкопластырем она не расставалась. У нее на ногах трудовые мозоли.

– Что значит трудовые?

– По ходу, она круглый год ходила на шпильках. Я все больше склоняюсь к тому, что ты в «Гроде» подцепил проститутку. Остынь! – повысил он голос. – Я пытаюсь воссоздать картину происшествия и, в конце концов, помочь тебе, нам всем, – повертел он головой, имея в виду следственную группу, в состав которой входили только следователи, обладающие равными процессуальными полномочиями, а может быть, даже целый отдел внутренних дел. – Мы трудимся в поте лица, и мы устали.

– Да, у вас загнанный вид.

Павлов быстро привык к моей манере общаться и на мое замечание даже не махнул рукой.

– Знаешь, к какой версии я склоняюсь?

– Не знаю. Наверное, я буду в шоке.

– Мне представляется, дело было так. – Павлов отвлекся на минуту, отвечая на звонок по внутреннему телефону: – Зачем я звонил? Черт его знает. Я уже не помню. Ах, да! Когда уберут машину из моего двора? Она там год стоит, бесхозная. Мне свою ставить некуда. Островского, 32, – назвал он адрес и, закончив беседу по телефону, вернулся к теме нашего разговора. – Итак, в итальянском кабаке ты хлебнул лишнего и в женщине легкого поведения разглядел барышню с нравственными устоями. Профессионалки по налитости глаз клиента легко определяют, чего он хочет, а твои глазные яблоки трудно было отличить от спелого налива. Но клиента надо сначала заполучить, да?

– Ага, – поддакнул я, чтобы не молчать.

– Видок у тебя еще тот.

– Конечно.

Павлов мог не разоряться, а просто процитировать одного из героев криминальной драмы «Отступники»: «Плохая стрижка, безвкусная одежда и такой, знаете, легкий налет засранства». Я бы согласился с ним.

Павлов тем временем продолжал:

– Она живо представила, в какой компании ты чаще всего проводишь время, и не станем уточнять, что она ошиблась, людям свойственно ошибаться, верно? Она прикинулась ученым червем, и, конечно, ты клюнул, выделив ее среди остальных. Как обратил бы внимание на то, если бы твоя классная руководительница забежала на большой перемене в пивбар. А дальше – дело техники. И не важно, стал бы ее рисовать или нет – ты уже дергался на крючке. Она спела тебе ту песню, которую ты заказал. Она приехала в кабак на машине? Но при ней мы не обнаружили ни ключей, ни водительского удостоверения, ни денег. И если бы все произошло так, как она планировала, то без денег, кредитки и документов под утро остался бы ты. В стандартный набор некоторых проституток входит клофелин. Эта же баба подмешала тебе в коньяк наркотик. За этим занятием ты и застукал ее. Мне представляется такая картина... в картине. Она шарит в твоём бумажнике, а это означает, что она шарит в твоём самолюбии. И ты, столичный частный сыщик, введенный в заблуждение уличной шалавой, хватаешься за нож.

Пауза.

– Допустим, ты не убивал эту женщину, тогда, выходит, тебя подставили? Вспоминай, кому ты перешел дорогу?

Это был добрый знак. Я силился что-нибудь вспомнить, но мне мешало отражение в зеркале: красивое, покрасневшее от возбуждения лицо Риты. По губам я читаю что-то старомодно-возвышенное: «Ты был великолепен!» Я поворачиваюсь к ней. Лицо ее близко-близко. Через пару секунд она выключит свет и поведет меня обратно в комнату, и я больше не увижу той примечательной синевы в ее сказочных глазах. Этот образ и остался в моей памяти главным. А тот, что я запечатлел чернилами на платке, отошел на второй план.

В конце допроса Павлов попросил меня окончательно разрешить один вопрос: почему я задержался в Новограде? Я объяснил, как мог: мне дороги были воспоминания об одной женщине, которую я не мог выбросить из своего сердца. И вот нашел здесь исцеление, ту женщину, которая, на мой взгляд, была готова перевернуть мой мир.

– Ну, что же, – подвел итог Павлов, – она со своей задачей справилась. Твой мир не только перевернулся, он сжался до размеров одиночной камеры.

Я лежал на нарах с открытыми глазами. Совесть терзала меня: «Ты убил эту женщину. Не ты кромсал ее ножом – кто-то другой, но ты предопределил ее судьбу».

Кто-то крепко подставил меня.

«Кому ты перешел дорогу? – прозвучал в голове требовательный голос Павлова. – Вспоминай!»

Глава 5

Линия поведения

Как-то раз я пришел к выводу, что могу распоряжаться временем, следуя установленному порядку. Но обстоятельства рушили мою спонтанную теорию. Сегодня я попал в тиски таких обстоятельств, из которых, как мне казалось, выбраться невозможно. Все было направлено против меня.

Моя память походила на придорожный знак, в который кто-то выстрелил дробью. Минуты, часы того вечера и ночи бесследно исчезли. Я пытался восполнить эти пробелы, но – все тщетно. Голова лопалась от напряжения. И если бы в камере предварительного заключения было зеркало, я бы увидел свои красные, усталые глаза.

Никто не может распоряжаться временем. И сколько часов прошло с момента моего ареста – я сказать не мог.

Очередной допрос. Как и предыдущие, он проходит в кабинете Александра Павлова. Одна стена занята шкафами, и кажется, что это гардероб. На самом деле полки шкафов ломились от бумаг. Одежда висела на вешалке напольного типа, которые обычно ставят в прихожей.

Александр Александрович расположился за столом с прогнувшейся полированной крышкой. Кроме него на допросе присутствовал капитан Конышев – лет тридцати двух следователь. В его распоряжении был такой же стол, на котором от нечего делать хорошо было катать ручку или пускать игрушечного бычка.

– У тебя проблема, – заявил Павлов. – Мы не можем установить личность убитой женщины. – Он начал загибать пальцы. – При ней не обнаружено документов – это раз. Мы не нашли мобильного телефона – это два. Ее отпечатки пальцев в базе данных отсутствуют.

Я не удержался от развернутого, как и сам вопрос-претензия, ответа. Это даже несмотря на то, что меня могли упрятать в СИЗО до окончания следствия.

– Я могу объяснить, почему при ней не было мобильного, но не смогу ответить, почему она пошла в ресторан без паспорта и карточки пенсионного страхования. Ерунда полная, правда? Она мне сказала: «С телефоном – это не отдых, а выгул на цепи». Вы не нашли отпечатков пальцев в базе данных. Это значит, женщина нигде не наследила, и это плюс ей. Вы плохо искали – это минус вам.

– Плюс на минус дает ноль?

– У меня всегда было плохо с математикой. – В подсчете я загнул один палец, потом второй и добавил: – Я этого не говорил.

– Ты много чего наговорил.

– Можно вопрос?

– Спрашивай.

– Вы разослали ее ориентировку в СМИ?

– Вообще-то это не твое дело.

– Как это – не мое дело?

– Ориентировку разослали. Приметы, во что была одета, время исчезновения, имя, возраст. Однако заявления до сих пор не поступило. Все Маргариты от двадцати пяти до тридцати пяти лет на наши телефонные звонки ответили. Также им было рекомендовано обратиться в местный отдел внутренних дел. Участковые получили разнарядку проверить адреса. Возможно, твоя знакомая из другого города, а сюда приехала или отдохнуть, или в командировку плюс варианты.

– Она местная, – покачал я головой. – Во всяком случае, она оставила машину во дворе соседнего дома.

– С ее слов, – уточнил Павлов. – Ты не можешь знать этого наверняка. – Пауза. – Ну, допустим, что она приехала на машине, почему оставила ее во дворе?

– Парковка у ресторана рассчитана на пятнадцать машин. Клиентов в заведении – в пять раз больше. Если даже каждая машина приедет под завязку, по пять человек в каждой, парковочных мест окажется впритык.

– Значит, с математикой у тебя не так уж и плохо.

– Это арифметика.

Павлов выдержал паузу, прежде чем отвесить мне комплимент:

– А ты наблюдательный малый.

– Угу, – буркнул я, снова вспомнив свою соседку. – Ты сказал, что на ваши телефонные звонки ответили все Маргариты в городе. Так вот что я тебе скажу: одна не ответила, это точно. Или вместо нее какая-то другая женщина отвечает по телефону.

– Или она тебе назвалась другим именем, – ответил Павлов. – Обычно так поступают проститутки.

– Тебя что, заклинило на проститутках или у тебя нет другой версии?

– У меня есть другая версия.

– И каково ее рабочее название? – вытягивал я из него ответ.

– «Жертвоприношение», – коротко отозвался Павлов.

– Можешь озвучить?

– Легко, – согласился следователь.

Я приготовился слушать.

– Ты совершил ритуальное убийство, – начал Павлов, – так сказать, в порыве культового экстаза, и алтарем выбрал кровать в гостиничном номере. Ты был голым, и это – часть языческого ритуала. Окровавленная майка на тебе олицетворяет шкуру жертвенного животного. Твоя женщина «охотно подставила» свое тело – согласно тому же обычаю или ритуалу.

– Наверное, эта самая легкая версия, – фальшиво обрадовался я. – Ты когда последний раз был у психиатра?

– На прошлой неделе.

По его глазам я понял, что он не врет.

Побарабанив пальцами по столу, Павлов сделал неожиданное заявление:

– Прокатимся до ресторана. Допрошу итальянцев, заодно они посмотрят на тебя.

– Хочешь убить двух зайцев? – оживился я.

Он оставил вопрос без ответа.

– Согласен самостоятельно показать на месте, как и при каких обстоятельствах ты познакомился с потерпевшей?

– Согласен.

– В следственном действии будут принимать участие служащие ресторана. Ты имеешь возражения против этого?

– Нет.

– Вопросы буду задавать я. Отвечать ты будешь мне. Общаться со свидетелями – только через меня. Напрямую общаться с ними я тебе запрещаю. Ты все для себя уяснил?

– Да.

Для меня Павлов сделал исключение: сковал мне руки собственными наручниками. Я бы не удивился гравировке на обратной стороне: «Данные наручники находятся в полном распоряжении данного майора Павлова».

– Надоело возиться с тобой. Пора отправить тебя на нары.

Он разговаривал со мной, как с уткой-недоучкой, как будто переводил сленг в нормальный язык, словно боясь, что я его не пойму. Может быть, он даже опасался моих связей, но я на его месте не стал бы волноваться: связи – ничто, узы – все. Вот он раскладывает на столе

пасьянс из снимков с изображением полуголого окровавленного мужика, фоном которому служит залитая кровью кровать с трупом женщины, и обращается к собеседнику с вопросом: «Так вы говорите, что вы в хороших отношениях с этим джентльменом?» И его визави поспешно ретируется: «Пардон, я обознался».

Рабочий кабинет Павлова наполнился оперативниками. Один обратил на себя внимание синей курткой с надписью «Водоканал».

– Работаешь под прикрытием, – спросил я его, – или дошел до ручки?

– Скоро узнаешь, – ответил он моей любимой присказкой, которая, за редким исключением, вселяла в меня оптимизм.

Саму эту поговорку, как нечто менее важное перед главным событием, во мне зародил мой тренер по боксу. Похлопывая по плечу, он показывал мне моего очередного соперника: «Ну, что скажешь про него, Пашка?» – «Не знаю, что и сказать, тренер». – «Дурак! Говори: «Скоро узнаем» – и все!»... Обычно я не подводил тренера, походившего на Чапаева. На ринге с ударом гонга рвался в бой, как цепной пес, и рвал цепь, а потом и соперника. Я старался копировать Майка Тайсона и ни от кого не скрывал, что он был моим кумиром. Не перестал уважать его даже после того, как он откусил у Эwandера Холифилда ухо. Когда я делал первые шаги в боксе, Майк угодил в тюрьму за изнасилование. Я мог сказать себе, что у меня все впереди, что я переплюнул Майка по всем показателям, но не сказал этого.

«Скоро узнаем». Этот опер не любил торопить события, иначе ответил бы по-другому: «Сейчас узнаешь».

Он разомкнул наручники ключом и пристегнулся к ним своей левой рукой.

– «Жив – и ты моя звезда путеводная, а уйду – ты мне свеча поминальная», – процитировал я.

– Баженов, – обратился ко мне Павлов, как будто я был членом его команды, – помолчи, ладно? День только начинается, а мы уже устали от тебя.

Во дворе УВД нас поджидал микроавтобус «Мерседес» с затемненными стеклами. Павлов занял место переднего пассажира и тут же пристегнулся ремнем, как в лайнере. Мой сопровождающий выбрал место для нас так, что мы сели лицом к остальным членам следственной группы, насчитывающей пять человек. Водитель завел двигатель, дал ему прогреться минуту и тронул машину с места.

Автобус едва протиснулся в узкую и длинную арку, ведущую во двор итальянского ресторана. И он ничем не отличался от двора русского или украинского: мусорные баки и мешки, голуби и вороны, мыши и крысы, собаки и кошки, бомжи и бомжихи, предпочитающие исключительно итальянскую кухню. Наш визит был согласован с администрацией «Грота»: возле входа нас поджидал чернявый, обутый в теплые войлочные ботинки служащий ресторана. Он за руку поздоровался с Павловым и намеревался первым исчезнуть в темном дверном проеме, однако следователь остановил его. Хотя я в тот памятный вечер зашел в ресторан через центральную дверь, Павлов придерживался порядка: подозреваемый в пути следования двигается впереди, рядом следователи и конвоиры.

Коридор, в который мы вошли, вел сразу на кухню, и уже через этот по-итальянски стерильный бокс мы попали в административную часть здания. Она представляла собой такой же узкий коридор с парой зеркал и рядом помещений по обе стороны. Я ждал, когда наш провожатый-аутсайдер, выкрикивающий направление, откроет одну из дверей, однако он указал путь – через арку прямо в зал ресторана.

В тот вечер я не заметил арки – она отлично ширмовалась за вертикальными жалюзи, нижний край которых был утяжелен (по виду – гирьками), и мне на ум пришло слово «самодельщина». В эти минуты я был сосредоточен и подмечал каждую «дьявольскую» мелочь, этикие пунктиры, слившиеся в одну линию, и ее рабочее название было – «Линия поведения».

Я быстро огляделся в зале, но не сразу нашел столик, за которым состоялось наше с Ритой знакомство. Вот он, с парой светильников и букетом цветов, сервированный лишь минеральной водой и виноградом (пара сочных гроздьев в изящной плоской корзинке). Все, как в прошлый раз. За соседним столиком нас поджидал управляющий ресторана – лысоватый, маленького роста итальянец, одетый по-деловому, его пиджак висел на спинке соседнего стула, и, может быть, этим жестом он дистанцировался от следственной группы в целом и меня в частности.

Павлов повел себя по-хозяйски. Не выпуская из рук «дипломат» и назвав одного из следователей по имени, он позвал его на помощь, и они вдвоем придвинули соседний столик вплотную к столику управляющего. В общем, получилось что-то наподобие стола для совещаний, и за ним разместились четверо: Павлов и Кватроччи, я и мой конвоир в куртке водоканала. «За бортом» остались еще двое полицейских: с деланным равнодушием они осматривались в этом просторном помещении. Павлов включил диктофон и официально предупредил Витторе Кватроччи о том, что допрос ведется с использованием фонограммы. Этим он преследовал две цели. Первая: возможность «наиболее полной фиксации хода следственных действий». Вторая цель – тактическая, подразумевающая и давление на подсудимого в качестве установления истины. Собственно, я сам возглавил следственную группу, поскольку в поисках истины был самым заинтересованным лицом.

Эти «новгородские итальянцы», по мнению Павлова, относились к той категории свидетелей, которые, как правило, уклоняются от явки на допрос и суд, потому он и принял решение использовать в ходе допроса звукозапись. Также он не исключал, что допрос будет производиться с участием переводчика, и в этом случае фонограмма позволит ему в дальнейшем проверить «правильность перевода» или ссылку на его неточность, как основание для изменения показаний. В общем и целом, он рассматривал итальянцев как хитрую нацию.

Во вступительной части фонограммы Павлов был краток. Он назвал дату, адрес заведения, кто и на каких основаниях статей УПК, с какой целью проводит допрос с применением звукозаписывающей аппаратуры. Потом разъяснил права и обязанности каждого, включая меня.

Указав на меня концом авторучки, майор задал вопрос Витторе Кватроччи:

– Вы узнаете этого человека? Если да, то при каких обстоятельствах произошла ваша последняя встреча?

Я перехватил взгляд управляющего и кивнул головой: «Можешь говорить».

Павлов хмыкнул.

Итальянец сказал:

– Да.

Павлов хмыкнул еще раз и был вынужден повториться:

– При каких обстоятельствах произошла ваша последняя встреча? Назовите дату и точное время.

Кватроччи назвал. И дождавшись необязательного кивка следователя, продолжил:

– Я вышел подменить Салли.

– Салли? Кто это?

– Наш бармен. Вечер был загружен, и персонал валился с ног. Такие вечера, как вы понимаете, бывают только раз в году.

Витторе, мягко говоря, лукавил. Никакой загруженности в тот вечер не было. Например, я сидел за столиком один, Рита – тоже одна. Большей же частью – это два-три человека за столиком.

– Странный праздник, – индифферентно заметил Павлов. И я сообразил, что он наводил справки о «волчьем дне торжества».

– Смотря для кого.

– Продолжайте.

– Этот молодой человек, – указал на меня рукой Кватроччи, – подошел к стойке и попросил... это... воспроизвести, – подобрал он слово, – песню Челентано. *Mi sto lavando il viso guardando*, – скороговоркой произнес он первую строчку песни. – Я не знал, есть ли она в фонотеке, поэтому загрузил ее из сети, получилось даже быстрее. Он поблагодарил меня и вернулся за свой столик.

– С ним был еще кто-то?

– Да. Такая... строгого вида женщина лет тридцати, думаю.

– Во что она была одета?

– Коричневый костюм от Версаче...

– Почему вы решили, что костюм – от Версаче? – уточнил Павлов. – Вы видели бирку?

– Я – итальянец, – гордо отчитался за родной бренд Витторе.

– Ну, хорошо, дальше.

– Туфли – черные, кажется.

– Как выглядела эта женщина?

– Длинные, до середины плеч, каштановые волосы. Я и раньше видел ее у нас.

– Как часто она посещала ваш ресторан?

– Я нередко выхожу в зал. Подменяю официантов, бармена, когда нужно, а те подменяют друг друга, чтобы работа не виделась конвейером. Ну, не знаю. Вот так, по пальцам пересчитать не могу.

– Хорошо. Черты лица сможете описать?

– Я могу нарисовать ее, – внес я предложение.

– Да, ты мастер «пера», – перешел на жаргон Павлов.

Он извлек из прозрачного файла снимок с места происшествия и протянул его Кватроччи.

– Да, – покивал тот, всмотревшись в лицо мертвой женщины. – Я узнал ее. – Он указал подбородком на меня: – Они вместе ужинали, танцевали. Я наблюдал за ними. И знаете, о чем я подумал? Что они – гармоничная пара. Такие непохожие. Он – машина, она – поворот. И вот он вписывается в нее на огромной скорости.

Оперативники смотрели на меня, как на пилота «Формулы-1».

Воспользовавшись заминкой, я поднял свободную руку, как на уроке.

– Что у тебя? – спросил Павлов, делая перерыв в записи.

– Раз уж мы отвлеклись от темы, могу я попросить кое о чем?

– Валяй, – разрешил следователь, проявляя отзывчивость.

– Мы в ресторане, понимаешь? – вкрадчиво начал я. – Когда еще мне выпадет возможность пообедать в таком заведении?

– Ну, продолжай.

– До этого я только раз так шикарно закусывал – в Екатерининском зале в компании Михаила Гутмана и Сергея Иванова. Пообедаю за свой счет, разумеется. Надеюсь, мою кредитку ты не потерял?

– Все здесь, – похлопал по папке Павлов и на минуту задумался над моей просьбой.

Я попытался влезть в его мозги. Может быть, он в эту минуту представил меня с набитым ртом, среди кремлевской роскоши, с орденом на шее, ленточку которого мне с приклеенной улыбкой поправляет на сцене лично глава президентской администрации: «За укрепление законности и правопорядка, за проявленные отвагу и мужество... Поздравляю, Павел Ильич!»

– Не знаю, не знаю. Разве что пока идет допрос свидетелей, – сдался он потихоньку. – Кто обслуживал его в тот вечер? – обратился он к Кватроччи.

– Карло Моретти. Карло, подойди сюда, – позвал его управляющий.

Официант подошел ближе и улыбнулся мне, как старому знакомому, демонстративно щелкнув кнопкой авторучки.

– Не в этот раз, – понял я его. – Могу я сделать заказ?

– В пределах твоей кредитки, – разрешил Павлов.

Карло согнулся в пояснице, готовый принять заказ.

– Спагетти под чесночным соусом, устрицы. Спиртное, как я понял...

– Ты правильно понял, – перебил меня Павлов.

– Это все, Карло.

Официант ушел. Следователь, поддавшийся давлению, посмотрел на меня так, как смотрят на ректора Государственного университета Блата, и продолжил допрос управляющего. Его вопросы носили общий, фоновый характер и касались они, собственно, темы фестиваля Луперкалии. Итальянец, отвечая на них, заметно оживился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.